

В начале осени опять объявили соревнования по сбору металлолома. Экскурсию на праздничную плавку к годовщине Октября пообещали всему классу-победителю, а не единоличникам. Мы решили, что надо прямо со старта как-то сильно потрясти противников, оглушить их такой кучей железяк, чтоб от одного вида желание соревноваться отпало. Посмотреть на доменную печь и жидкий чугун, понятно, хочется, но не хочется остаться в дураках, как в прошлом году. Таскали, надеялись... Ага... Казак, тихушник, потрошил свалку за огородом и в последний момент привёз с батарей на тракторе сколько нам и не снилось.

На КМК он ездил с фингалом. Хороший такой бабон получился. Петька Хатайкин засветил. Дело не в зависти. Петька в сборе металлолома не участвовал. Он вообще ни в чём не участвует. Ему после уроков отца на пастбище менять надо (на коне кататься и бичом щёлкать, ясное дело, лучше, чем железки таскать), но даже Петька высказался:

– Ты по честности хотя бы своим-то мог сказать? Они бы не упирались. Сдали бы в самый раз, чтоб норму выполнить. Гнилушка ты, Казак.

Казак на гнилушку обиделся, в драку полез. Ну и получил. Криков и разборок с этим трактором было больше, чем металлолома. Мы с утра перед приёмкой осмотрели свои кучи, провери-

ли, всё ли на месте, спокойно на уроки пошли. А после уроков на линейке дядька с завода объявил: «Первое место занял Александр Казакин, собравший три тонны металлолома».

И грамоту ему вручил, и пропуск на экскурсию...

Первыми орать начали обалдевшие лидеры:

– Какие три тонны?

– Да он же ничего не собирал!

– Так нечестно!

– Да всегда так!

– Сроду больше собирать не буду!

Тоже обалдевший от криков заводской дядька как-то даже испуганно оглянулся на завуча, завуч выразительно посмотрела на пионервожату, пионервожатая начала им что-то объяснять, жестикулируя и волнуясь. Но завуч слушать её не стала, а перевела выразительный взор теперь уже на учеников, улыбнулась, вскинув подбородок и всем видом показывая, что она сейчас будет говорить.

– Я думаю... – подчёркнуто вежливо сказала она и, молниеносно кинув взгляд на непонявших, что нужно замолчать, подровняться в строю и слушать, повторила тоном, который обозначал – непонятливых выведут из строя. – Я думаю... – обвела взглядом замерших нас, оценила тишину и одобрительно, уже обычным своим голосом, продолжила: – Мы не будем превра-

щать общешкольную линейку в совет нашей пионерской дружины.

Тут она не то вопросительно, не то вынуждая немедленно начать кивать в согласии, наклонила голову к пионервожатой и посмотрела на неё поверх очков. Марина Евгеньевна с готовностью закивала, осознавая свою неопытность и извиняясь за шум и гам среди пионеров.

Завуч похвалила взглядом пионервожатую, ошастливив её тем самым, и продолжила:

– Меня на сегодняшний день больше интересует... – она задумалась на мгновение, что же её может интересовать (линейку-то собирали только для награждения победителей, чтобы представитель завода лично вручил грамоты), – почему у нас некоторые ученики раньше времени учебный год окончили!

Дядька слово «почему» почему-то не заметил. Он привык, что раньше времени – это о победе в соцсоревновании. Он ещё не совсем осознал, как это так волшебным образом оборвался гвалт, радушно расплылся в улыбке, ожидая, наверное, что сейчас будут чествовать вундеркиндов, которые на месяц раньше все задачки решили, все стихи и правила наперёд выучили и упражнения из учебника в тетрадки переписали.

Школьники, услышав невероятное, застыли. Никто не задавал вопросов. Вопросы сами выскочили из детских голов и рассыпались в повисшей тишине:

- Как это?
- Так бывает?
- Заболели?
- А кто?

Учителя благоразумно молчали и не выказывали эмоций. Валентина Николаевна обняла коллектив строгим взглядом:

– Почему некоторые уже на каникулах? Как на танцы приходим, а не в школу!

Она задерживала взгляд на старшеклассниках, нарушающих требования к форме. Модники опускали глаза, делая вид, что прониклись и осознают, но их распирало от внимания следящих за взглядом завуча учеников. Когда очередь дошла до Сашки Черникова, в рядах послышались смешки. Сашка, изящно выставив вперёд ногу, заложив руки в карманы новёхоньких джинсов, небрежно отведя полы расстёгнутого школьного пиджака (так, чтобы крокодилчика на кармане тенниски видно было), дурашливо улыбнулся и удостоил завуча галантным поклоном. Плохо прилизанный ирокез весело подпрыгнул.

Валентина Николаевна смотрела строго, но всем было понятно, что это только так по статусу ей положено. Давным-давно прилипла и в школе, и в посёлке к завучу вторая фамилия – Гурченко, и она была достойна великой актрисы.

Все ждали, чем закончатся гляделки между завучем и Черниковым. У малявок просто дух захватывало: Сашка взгляд не отводил... Математичка, по-наполеоновски сложив руки, выжидательно прищурилась, как бы спрашивая: «Ну и что ты сделаешь с этим наглецом?»

Валентина Николаевна одобрительно вскинула брови и как будто совсем безразлично сказала:

– Вот в трусах с крокодилчиком придёшь, тогда я поверю, что герой...

Последних слов никто не услышал. Общий хохот расшугал по норам даже мышей в подвале. После первой волны хохота в образовавшейся на минуту тишине она по-генеральски коротко резюмировала:

– Штаны – форменные. Сорочки. Галстуки. Гребни убрать. Маникюр убрать. Линейка окончена. Все свободны.

Завуч повернулась к своему кабинету. Пионервожатая и уже абсолютно влюблённый в неё представитель завода поспешили следом.

Пропуск Казаку был уже подписан. На заводе как-то всё сложно. Оказалось, что легче устроить экскурсию целому классу на следующую открытую плавку, чем переделать один пропуск.

И вот мы решили, что покажем сразу всем, что победим мы, а если кто этого не поймёт, мы не виноваты. Хотите, ребята, вламывать за здорово живёшь – флаг вам, как говорится, в руки, пробуйте нас догнать.

Летом сторел совхозный ток. Вот где железа немерено! Но всё оно оказалось неподъёмным. Мы угрюмо сидели на огромных таких весах. Нантаха нас даже взвесить пробовала. Её мать до пожара на этих весах работала. Всё просто: взвешиваешь машину на въезде и на выезде. Разница – вес разгруженного зерна. Но мы все вместе весили для этих весов очень мало, они ничего не показывали. От нечего делать пробовали выяснить общий вес элементарным способом сложения. Расходиться не хотелось.

Если бы не проходил мимо Шадрик, ничего бы дальше и не было. Но он проходил. И не мимо, а прямо к нам шёл. Мы удивились, что он заинтересовался нами на улице. Лёха Тарский

проскрипел ломающимся голосом: «Сейчас объяснит, вес или массу мы высчитываем». Поздоровавшись, Шадрик двинул речь, которая нас прорвало опрокинула:

– Вы бы макулатуру убрали из подъезда. Сколько она там мешаться будет?

Мы, конечно, возмутились:

– Какая макулатура?

– Это не мы!

– Ну ваще!

– Чуть что – седьмой класс!

Но переждав наши вопли и вообще, похоже, пропустив их мимо ушей, он сказал на прощанье: «Надо убрать» – и пошёл дальше. Мы обалдели! Физик-то с чего сдвинулся? Ему-то мы в каком месте дорогу перешли? Первым очнулся Решетов:

– Слушайте, там же макулатура бесхозная.

Почему-то очевидные вещи иногда доходят тяжело. Сбор макулатуры объявлять специально не надо. Его просто никто никогда не отменяет, но кто ж без напоминания о макулатуре помнит?

До нас начало доходить:

– Надо посмотреть...

– А что? Сказали убрать – уберём.

– Действительно. Мы дети послушные.

Пока шли к шестнадцатиквартирному (единственному в посёлке) двухэтажному дому, в котором жили в основном учителя, мы развили эту тему до абсолютной необходимости, просто до обязанности нашей навести порядок в учительском доме. Шадрик жил в одном подъезде с нашей классухой, вот и довязался до нас.

Макулатурой было забито всё пространство под лестницей. С фабрики добро. Тут и думать нечего: бумажные мешки из-под полиэтилена, полные обрезков картона да испорченных этикеток. Мы даже не договаривались, зашли и забрали по нахалке, как своё. Прошли мимо играющих за столиком мужиков из соседнего подъезда. Как-то так слаженно получилось. Только три холстяных мешка прихватили, хоть я и просила пацанов ещё в подъезде не брать настоящих мешков. Но они потом оправдывались: «Бумажных не осталось. Чё я, пустым пойду?»

Макулатуру притащили к Наташке Качиной. Тёти Гали дома не было, она со второй смены возвращалась только в первом часу. До понедельника, может, и в сарай не заглянет ни разу. Но меня беспокоили мешки. Макулатура – это фигня. Её на фабрике хоть каждый день по столько набирай – никто не остановит. А вот мешки...

– Это не вы у Натальи Сергеевны макулатуру спёрли? – приветствовала тётя Галя Наташку, вернувшись на следующий день из магазина.

Наташка и так-то соврать не мастер, а тут ещё и спросонья. Да и смысл врать, когда в любую минуту располичить могут? Стоит только в сарай заглянуть. Наталья Сергеевна – это завуч по внеклассной работе во второй школе. Тащить до другого конца посёлка мешки с фабрики тяжело, вот и оставили пионеры вражьей дружины добычу в подъезде учителя. Каждый день их завхоз ездит на коне мимо шестнадцатиквартирного в столовую за едой. Понятно, что макулатуру ему завуч заодно хотела поручить привезти в понедельник. Не случилось...

Она металась с утра в поисках грабителей или хотя бы их следов. Мужики, забивавшие козла у подъезда, уверяли Наталью Сергеевну, что макулатуру забрали её ребяташки.

– Сергеевна, ты почему ж не веришь-то? – удивлялся её сосед. – Говорю же тебе, я с ним разговаривал. Не наш пацан. Чё я, наших не знаю?

Точно. Было такое...

Мужики уже поднимались из-за стола:

– Чё? Забираете? – окликнул один из них.

– Забираем! – не растерялся Ерём, остановился, поговорил, пока мы теньями прошуршали мимо. Темнело ведь уже.

Приехали Ерёменко недавно с Алтая. Отец ветврачом работал. Мать с маленькой Танькой дома сидела. Эдька у нас в классе учился. Не примелькался ещё. Кто ж его узнает?

Наталья Сергеевна досадливо отмахнулась:

– Да не приходили мои.

В магазине она попробовала выведать у тёти Гали, не знает ли чего Наташка. Высказала предположение, что, может, Наташка приходила к бабушке, увидела макулатуру да и сказала своим. Предположение это тёте Гале не понравилось. Она оскорбилась и Наталью Сергеевну отбрила: знать, мол, ничего не знаю, и вообще, ерунда какая-то – зачем воровать макулатуру, когда на фабрике её завалишь.

Вернувшись из магазина, тётя Галя устроила Наталье побудку с пристрастием. Больше за выходные никто не пострадал.

А в понедельник классуха попробовала взять нас на понт: типа она знает, что это мы, что нас видели, что надо всё вернуть и извиниться перед пионерами восьмилетней школы. Ответом

ей была тишина. Уж столько раз случалось кому-нибудь впалить всех нечаянно дурацким ответом, а потом получить за это по шее. Научились отмерять слова, как шаги на минном поле. А Надежда смотрела на меня. «Интересно, я – рыжая? Или крайняя? – Понеслись мои мысли. – Ну да... Я председатель совета дружины... И что? Вот в данном конкретном случае предложила в учительский дом идти не я, придумала лозунг «Сказали убрать – уберём!» не я, мешки упереть вдохновила не я... Да, была со всеми. Да, не остановила... Но ведь не только я. Почему веселились вместе, а отвечать должна я? Почему ты смотришь на меня, Надежда Степановна? Не надо на меня так смотреть!»

– Вы не имеете права! Как вы можете говорить «вы»? Вы весь класс обвиняете? Я, например, ничего не знаю ни о какой макулатуре. Может, кто-то из вас знает? – Я резко повернулась к классу. – Ты брал? Или ты?

И они меня поняли. Подхватили игру:

– Не-е-е, я не брал...

– А у кого?

– А чё случилось-то?

Я повернулась к классу и начала её морально убивать. Я говорила, каждое слово гвоздём вколачивая:

– Что мы вам, Надежда Степановна, сделали такого, что вы нас считаете самыми плохими в школе? – Я прямо-таки сил набиралась пропорционально угасанию в ней уверенности. – Вы ни шестой класс не заподозрили, ни пятый, ни девятый...

По классу прошёл одобрительный ропот. Народ прямо-таки головы начал поднимать.

– В чём это мы так провинились, что самые подозрительные для вас? Когда и у кого мы воровали?

И опять повисла тишина. Все смотрели на Надежду. И – свят, свят, свят – она перед нами извинилась. Попросила только, чтобы мы, если знаем, кто взял макулатуру, передали этим нехорошим редискам, чтобы они вернули хоть мешки. Очень уж ей было жалко старушку Наталью Сергеевну. Как она будет перед родителями за те мешки отвечать?

Нет, мы не радовались и не праздновали победу. Многие были мне благодарны – это точно. Из-за одной Ирки Кель стоило любимыми способами выворачиваться из этой истории. Иркина мать вела у нас немецкий. Единственный учитель, которого я боялась. Я не входила в число

нескольких школьных героев, которые отваживались с ней пререкаться. Позже, в восьмом классе, когда «немка», дойдя до точки от нашего тулизма и нежелания учиться, от бессилия, от невозможности наказания, треснет за всех за нас по затылку собственную дочь... да так, что Ирка ещё и лбом о парту треснется... Вот тогда я вырвусь из состояния кролика перед удавом и зарю: «Фашистка!». Но это позже. А сейчас я даже думать боялась, что будет с Иркой, с её двоюродным братом Пашкой, с Танькой Кравец... Мне всегда казалось, что наказывают их даже не за поступок, а за позор. Элита кузедеевская, фигура: учителя, врачи, продавцы...

Вовки Кузнецова батя хоть и плевать хотел на «что люди скажут», а за дело спину сыновьям ремнём в узоры разрисовывал. Зато он на родительских собраниях (а родителей в нашем классе экстренно вызывали и судилище над нами устраивали почти каждую четверть) пресекал всяческие нюни типа «плохо влияет», «втянули»... Вставал и спокойно так парировал:

– У каждого своя башка есть. Если вашего Павлика, как телка на верёвке, куда хошь, туда веди, так это его задница плохо чувствует, когда голове проснуться надо.

– Да, – ехидно поджимала губы «немка», – ещё ремень посоветуйте.

– И посоветую, – невозмутимо отвечал дядя Серёжа. – Нет другого лекарства – ремнём лечи! А голову разбуди.

В общем, счастливых, избежавших всякого домашнего счастья, было много, но радости не было. А, может, кто и радовался, да мне как-то сильно мерзко сделалось, не до чужих переживаний.

Сейчас трудно понять, с чего такие страхи из-за каких-то мешков. Тряпка. Копейка цена.

Каждый год перед уборкой картошки в поле мать ругала себя последними словами, что так и не собралась «сгношить» какие-нибудь мешки. Она умела шить, умела вязать, коврики плести из старого тряпья, нарезанного узкими полосками. Отличные сетки под картошку можно было забросать по типу этих ковриков. «Если хотя бы ряда по четыре каждый вечер вязать...» – планировала она. Я ещё в шестом классе посчитала, что фигня это всё. Ну, сеток десять – пятнадцать в год. А надо тридцать – сорок. Можно, конечно, превратить свою жизнь в плетение и ремонт сеток по вечерам, но тогда эти вечера должны быть

у человека. Мать работала на фабрике. Никто никогда не уточнял, на какой. Она у нас одна была – Кузедеевская фабрика детской игрушки. И почти все в посёлке на ней работали. Работа сдельная. Сколько кукол соберёшь – столько денег получишь. Она приходила домой часов в шесть. Первая задача – сварить и поесть.

Меня всегда удивляло, как можно спать сидя. Мы даже, придурки, ржали, когда мама, хлебнув несколько ложек, начинала дремать. Мы смотрели заворожённо, как ложка с супом зависала над чашкой, а мама спала. Реально – спала. Рука ослабевала, ложка медленно начинала опускаться. Ниже, ниже, ниже... И в тот миг, когда ложка должна была выскользнуть, когда мы, наконец, увидим её падение, мама вздрагивала и удерживала её. Мы визжали от неожиданности. Привыкли уже, знали, что вздрогнет, и всё равно это было неожиданно. Мама бормотала: «Надо дремнуть маленько» – перебиралась на диван и отрубалась. Спала действительно чуть-чуть, а потом до ночи – огород, поросята, помыть, постирать... Это при нормальном раскладе. Чаше с порога какие-нибудь трагедии: или у Женьки задача не решается, или Серёжка опять из радио магнит вытащил, или у меня фингал под глазом... К тому же мама любила читать. Часто увлекалась и, плюнув на всё, кроме ужина, Женькиной задачи и поросят, читала нам вслух.

Когда я пошла в четвёртый, Серёжка уехал в училище после восьмого класса, а Женька – в техникум после десятого. Их нужно было одеть более или менее по-городскому, нужно было высылать каждый месяц деньги. Мама оставалась после работы ещё и цех мыть. Иногда я приходила ей помогать. Но ощутимо быстрее управиться с работой не получалось, да и не хотела мама пересудов, что у ребёнка детство отбирает. В те годы я вообще почти её не видела. Просыпалась – её уже не было. Вечером она приходила – я почти спала. Перебрасывались без особого энтузиазма: «Как дела?» – «Нормально», – «Что поесть?» – «В кастрюле», – «Как в школе?» – «Пятёрка, пятёрка, два...» – «Почему?» – «Она сама дура», – «Одна ты у нас не дура...» И отбой. Уехать-то брат с сестрой уехали, но с довольствия их никто не списывал. И надо было кормить поросят, а для прокорма будущего мяса – сажать и копать картошку.

Пока Женька с Серёжкой были дома, поездка в поле была для меня праздником, приключением, долгожданным событием.

Вся фабрика выезжала в один день. Машины, люди, суета... Запахи... Живая, исходящая от инея земля. Вывернутые клубни издают какой-то истощенный подземный аромат. Увядаящий лес. Почему-то я помню не картинки и звуки, а в первую очередь запахи. Но те десять соток на двоих с мамой я не забуду никогда...

К обеду стало понятно, что мешков не хватит, хоть и брали с запасом несколько штук. Урожай выдался до катастрофической нехватки тары. У кого была хотя бы пара взрослых или парни постарше, те отправляли гонца с гружёной машиной, чтобы вывалил дома картошку в бурт и вернулся с пустыми мешками. Мама договорилась с соседями о таком же возврате. Последние сотки три я уже не работала, а ползала с ведром по полю буквально на маминых матах и пинках. Ой, вот только не надо о правильном воспитании и гуманном отношении к ребёнку. Фабричные машины выделялись всего на один выходной. Подымай, но выкопай. Мешки привезли. Даже усталость куда-то делась. Подошёл шофёр, сказал, что загружен через край, оценил, сколько нам ещё осталось. Заверил, что спокойно успеем затариться, потому что последним рейсом пойдёт Петрович, а он только уехал... Пока разгрузится, пока вернётся... У меня как-то тревожно заныло в желудке. Кроме нас с мамой, никого в поле не оставалось...

Нас забыли. Петрович не приехал. А до Кузедеево – километров пять. Ещё четыре потом до дома по посёлку... Как меня мама допинала, дотолкала, дотащила, я не знаю. Представляю сейчас себя на её месте... Вы когда-нибудь ходили в калошах по отсыпной дороге? Ночью? После двенадцати часов ударного труда? Голодные? Да ещё с ноющей и психующей канителью в придачу? Захлестнула бы на фиг. Но мама как-то нашла всё-таки, нащупала, чем поднять мой дух:

– А в войну люди как сутками иногда шли? Неделями?

– На войну взрослых брали.

– Женьку нашу уже взяли бы...

Это меня даже обидело. Дохлячку эту? Кисейную барышню?

– Да женщин не брали, – не сдавалась я, хоть и знала про тех же Зою Космодемьянскую, Лизу Чайкину, Веру Волошину. Но то ж герои! А Женьку бы не взяли.

– Да брали. Тётю Машу ведь взяли.

Вот это новость!

72

– Разве тётя Маша была на войне? Почему тогда у неё медалей нет? И на митинг она не ходит.

И поведала мне мама, что мобилизовали мою тётку в ФЗО на Кемеровский химкомбинат, а она оттуда сбежала с подружкой. За трое суток умудрились они пешком добраться до дома. Здесь их повязали, естественно.

– А дальше что было?

– Да что было? Посадили на пять лет за дезертирство.

Да... Это надо было переварить. Я ведь считала тётку свою настоящим коммунистом. Таким, про каких в книжках пишут: правильная, справедливая, честная до зубной боли. А она, оказывается, дезертир...

В общем, я не могла не вернуть мешки. Знала, сколько из-за них проблем бывает. А достать можно только по блату. Откуда у старушки Натальи Сергеевны блат? Да и ребяташки, взявшие те мешки из дома, как пить дать, нахлобучки получат. Если из-за того, что ты взял, кто-то страдает – это уже настоящее воровство. А я – не вор.

Операцию по возвращению мешков назначили на «когда тётя Галя во вторую пойдёт» и когда «Место встречи изменить нельзя» кончится. Оно, может, и скандал с макулатурой не очень разгорелся только потому, что по телеку снова Жеглов с Шараповым порядок наводили. Народ обсуждал и вспоминал карточки военного времени: где, чего, у кого какие случаи с карточками случались. Это накануне у шараповской соседки карточки спёрли. Про карточки – значит, и про голодушку военную. И опять, в магазине, на любом углу, на переменах: «а у меня мама рассказывала...», «а у моего деда, когда в Сталинграде...», «тютюю, да у нас, мама говорила, возле переправы жили, целая семья...» И, естественно, проментов. Нет, не Жегловы. Жеглова на Алтай не увезёшь.

Кузедеевское мерило и оценка мента – был или не был на Алтае. До сих пор могут резануть сгоряча зарвавшегося мусору: «Эх, проснулся бы ты раньше на Алтае».

Дорога на Алтай через Кузедеево была, но чёрт бы по этой дороге не ездил. Грузовики колоннами да какие-нибудь шальные путешественники-экстремалы. Нормальный человек добирался вкруговую поездом через Бийск. Ментов наших Алтай научил «и службу нести, и справедливость блюсти». Тут лавируй, думай:

не накажешь – с работы попрут, переборщишь – того и гляди, подкараулят около дома без формы вечером, когда в сортир пойдёшь, мешок на голову, алтайцам в кузов – и путешествуй... Выбросят тебя, бедолагу, недалеко от какой-нибудь алтайской деревни в кювет – учишься с народом говорить. До другой деревни – шагать не дошагать. Позвонить? А ты сначала убеди, что ты не зек какой сбежавший. И скажи спасибо, если фуфайчонку кто пожертвует, накормит. Братья милиционеры? Не во всякой деревне они есть. Кто ж тебя под бок власти выбросит? Надо, чтобы хоть несколько машин после твоих похитителей проехало. А машины по этим бескрайним полям, где от деревни до деревни пятьдесят – сто километров, ездят не так часто. Нет, мил человек, определяют тебя так, чтобы и выжить мог, но и с недельку-другую помыкался, жизни понюхал.

Но, конечно, это наполовину фольклор, оставшийся от «народных собраний» – очередей в магазине, разговоров в фабричных цехах... А народные трибуны после ста граммов за окончанием смены? О, это ответ не в бровь, а в глаз, обращённый напрямую к виновнику. Как будто он тут вот, на чурочках за магазином, рядом с перевёрнутым ящиком трапезу разделяет. И трибун, разошедшись на публику, говорит: «Ты думаешь, мы не видим?» – и грозит пальцем. Иногда я слышу в этих выступлениях чеховские фразы. Иногда Папанов с интонациями: «Тебя посадят, а ты не воруй!» По факту увозили раза три-четыре сами алтайцы. Как раз потому, что с перебором власть свою человек показывал, наступал на мозоль так, что терпезу шоферюге не оставлял. Это ж только спонтанно всё как по маслу получается. Как молния: «Ах, ты ж мать-перемать!» – скрутил и в машину его. А специально, как ни планируй, что-нибудь да не срastётся...

Вот как мы умудрились почти среди бела дня почти всем классом пройти на виду, считай, всего дома и не засветиться? Теперь мы во двор сунуться боялись, чтобы подкинуть мешки хотя бы на погреб у подъезда. Там постоянно кто-то крутился. Ходить часто тоже опасно. Вдруг Надежда в окно заметит, а потом сопоставит появление мешков с нашим дефиле. Нам же ещё как-то надо додержать марку, что это всё-таки не мы макулатуру дёрнули.

По всему выходило, раньше двенадцати соваться к шестнадцатиквартирному не резон. Из дома надо слинять, пока родители с работы не пришли, иначе потом не вырвешьсяя.

73

Бывало, мы заигрывались у Наташки и очень удивлялись, когда тётя Галя приходила с работы. Пугались: первый час!!! Бежали домой по темнотище. У меня обычно была одна мысль: «Только бы она ещё не ложилась спать». Сонная, мать много времени на разбор полётов тратить не будет, а вот если поспит хоть чуть-чуть – хана, придётся отвечать и за прошлое, и за настоящее, и за будущее.

В этот раз сначала вообще не знали, чем заняться. С нами увязался Ерём. Оказалось, он даже в карты играть не умеет. От скуки дошли до философии о зря потраченном времени. Светка вспомнила, что завтра политинформация, и совсем скисла. Она забыла назначить «дежурного по событиям» и должна будет сама вещать, что в мире делается. Газет с политикой у Наташки не нашлось. По радио шёл спектакль. Телевизор из нас четверых был только у Ерёма. Мы попытались навесить политинформацию на него. Ерём ржал и кривлялся, что можно рассказать о племени мумба-юмба, пусть Надежда попробует опровергнуть эту информацию. И вдруг его осенило:

– А давайте им двери свяжем! Они в школу опоздают, и политинформации не будет.

Мы катались от смеха. Идея была насколько бредовой, настолько и заманчивой. Начали чисто теоретически прикидывать, сколько метров верёвки понадобится. И вот ведь какая штука: газет у Наташки не нашлось, а бельёвого шнура – пять мотков. Куда они их запасали? Какой-нибудь родственник на шнуровой фабрике, наверное, работал. И всё... Как говорится, Остапа понесло. За три часа ржача и фантазий мы собрали целую сумку всякой всячины. Запаковали мешки в посылку. Адрес на ней написали. Очень он нам смешным показался: Москва, ул. Тра-ля-ля, дом – два нуля. Чтобы мешки никто не спёр второй раз, забацили предупредительный плакат: «Банда «Чёрный кот» предупреждает! Посылку не вскрывать!». И кота нарисовали, как в кино. Ерём решил, что будет каким-то знаменитым английским сыщиком. Какую-то накидку у Наташки выпросил, старую фетровую шляпу с обвисшими полями, вместо сабли приготовил нож. Этот нож мы летом в огороде откопали. Когда-то у него было широкое лезвие, а теперь оно настолько выржавело посередине, что непонятно, как не ломалось. Мы потешались над Ерёмом. У нас не было таких пациентов. Все больше по железкам мастера. А играть в сыщиков... Детский сад. Даже не знаю, верили мы или нет, что всё получится, но реквизит в мою

сумку сложили и взяли с собой. У меня мелькнула мысль, что сумка заметная, но высказать её как-то стрёмно показалось. Ещё подумают, что выделяюсь. В общем, пошли...

В шестнадцатиквартирном было тихо. Свет горел только на кухне у Надежды (но он у них ночи напролёт горел, вся деревня задумывалась – зачем?) да во втором подъезде – у Наташкиной бабки (верный признак, что дядя Вова бухой). В общем, можно идти.

Во дворе было светло от распахнутых настезей подъездов. Моросил дождь, тревожно шелестя в листве берёз. У меня сердце колотилось почему-то в ушах. Мелькнула мысль: «Бросить на погреб, да и всё», но Ерём уже зашёл в подъезд. Тихо поднялись на второй этаж. Боялись смотреть друг на друга: страшно было до того, что пробивало на хохот. Просто каждый делал то, что ему досталось. Мы это столько раз разыграли дома, что без суфлёра знали, какую фигию куда положить или повесить.

Посылку с мешками кинули под дверь Наталье Сергеевне. Наташка с Ерёмом приклеивали плакат про чёрную кошку. Мы со Светкой связали двери напротив, прокинув шнур в дверные ручки. Двери, открывающиеся на лестницу, привязали к перилам. Пошли было на первый этаж, но в это время с улицы в подъезд пожаловала дворовая собака Герда. Она была вообще-то ничьей. Весь дом её подкармливал, но никто не претендовал на звание хозяина. А Герда честно отработывала общественный хлеб, следила за порядком во дворе. Мы замерли. Герда постояла некоторое время в проёме подъезда, рассматривая нас и решая, наверное, какого рожна мы мешаем ей спать, нормально это или нет, что мы тут ночью. Конечно, она нас знала и днём даже не оборачивалась и ухом не вела на наше появление. Наверное, если бы мы не испугались сами, она ушла бы спокойно к себе под крыльцо, но немая паника – только молчи, Герда! – её озадачила. Герда лениво вопросительно гавкнула... И мы, как солдаты по команде взводного, сорвались с мест. Вниз? Но Герда озверела мгновенно. В подъезд она не заходила – запретная зона для неё, но как-то сразу выросла до размеров собаки Баскервилей, заняв собою выход, пружиня на всех четырёх лапах, готовая к броску, взвилась в истеричном, надсадном лае: «Ааааа! Хватай! Держи! Какого хрена спите?» Я не помню, как оказалась на чердаке. Светка была рядом и помогала влезть Ерё-

му. Наташка только начала карабкаться по лестнице на стену. Я увидела, что она прихватила в одну руку мою сумку. В голове мелькнуло: «Молодец Наташа!» – и тут же – досада от собственной трусости. Наталья Сергеевна, разбуженная вознёй на чердаке (а может, и не спала старушка), дёрнула дверь. Я, свесившись, щёлкнула выключателем – если умудрится выйти, то не увидит наших лиц, – и успокоила Наташку:

– Ничего, успеешь, я жду.

После секунды непонимания, почему не открывается дверь, Наталья Сергеевна начала истерично дергать её, возмущаться и пугать милицией:

– Не смейте гадить на чердаке!

По площадке мелькала полоска света из прихожей, выхватывая Наташкин силуэт. Вот уже её голова и плечи здесь, на чердаке. От сердца немного отлегло – успеем! И тут к причитаниям Натальи Сергеевны прибавился резкий мужской мат. Что-то брякнуло. Пространство снизу на площадке осветилось. Наташкины ноги, только что остававшиеся на лестнице, промелькнули мимо моего носа. Она ринулась вглубь чердака. Светка с Эдиком сорвались следом. Я на мгновение замерла, приходя в себя после чуть не полученной плюхи Наташкиными каблучками. На площадке, как стартовый пистолет, щёлкнул выключатель, свет квадратным пучком взлетел к своду чердака.

Мне казалось, я топаю, как слон, и этот топот будит не только второй этаж, но и тех, кто под ними. Несколько раз ударившись головой о какие-то балки, я добежала наконец до спасительного светящегося проёма второго подъезда. Только бы никто не вышел! Ерём уже повернул с промежуточной площадки на первый этаж, Светка – на площадке, Наташка – на лестнице. В углу из-за какой-то калоши визжит не то пинчер, не то ещё кто – микроскопическая худющая невидаль, завезённая новой математичкой.

Только бы никто не вышел! Я ухватилась за край проёма и прыгнула вниз, с грохотом приземлилась, шавка подпрыгнула и завизжала, шарахнувшись от меня на стену.

Только бы никто не вышел! Ступени! Дверь! Поворот налево! Справа? Никого ещё нет. Придурки! Я бы в первую очередь подъезд перекрыла и ловила, как зайцев. За угол! Ворота! Свобода!!!

– Бежим?! – задыхаясь, спросили друг друга, ни на секунду при этом не останавливаясь, только придерживав немного, чтобы собраться вместе.

– В проулок! – скомандовала я, и мы слиняли из-под фонарей центральной улицы.

Темнота сразу успокоила. Остановились отдышаться. Шёпотом, сквозь вдох-выдох, перебывая друг друга, начали обсуждать самые ощутимые шишки и раны, самые офигенные впечатления.

Я посмотрела на Наташкины руки... В желудке опустело и стало до тошноты тоскливо... Спросила всё же ещё с надеждой:

– Наташ, а сумка где?

И все всё поняли. Зависла тишина. Наташка, оправдываясь, начала лопотать, как на уроке у доски:

– А я её как закинула на чердак... А потом выскочила... Я думала, ты её взяла у меня...

Бли-и-ин! Долбаный страх... Я даже не видела, как она её закинула. Как свет выключала – помню. Как Наташке помогала – помню. Как она лезла с сумкой на чердак, вижу, а вот на чердаке сумку не помню, не вижу... Только что торжествовавшие души наши ушли в пятки. Мы попали. Стопроцентно попали. Моя сумка – это такая улика, которую ни с чем не спутаешь. Вот думала же, что не надо её брать...

Оказывается, дождь не переставал, продолжал плутать в листве берёз. Вот какого фига мы просто не кинули эти несчастные мешки без всяких плакатов и верёвок?..

В начале восьмидесятых явилось к нам демократическое влияние Запада в виде ярких пластиковых пакетов. Сами мы эту прелесть – «и в пир, и в мир, и в добрые люди» – тогда ещё не освоили. Наши пакеты представляли собой прозрачные мешки с бумажными вставками внутри. Картинки эти бумажные рвались, мялись и были к тому же блёклыми. Но отношение к ним – прямо таки набожное. Пакеты эти, как чехол, надевали на ручки хозяйственных сумок, чтобы они не испытывали нагрузки. Хороший пакет был предметом гордости обладателя и зависти для окружающих. А уж импортный, с аппетитной попой в джинсах Монтана – это шик и заява о доходах.

Стоил такой пакетик на рынке двадцать пять рублей при средней зарплате граждан в районе сотни. Была ещё попытка нашей лёгкой промышленности сделать более практичный аналог пакетов: сумки из холста. В народе их моментально окрестили побирушками и именно на них стали сверху нанизывать пакеты. Дядя мой нехило зарабатывал проходчиком на шахте, каждый год

вывозил своё семейство куда-нибудь на отдых, после которого одаривал родственников дефицитами. И мне достался пакет со съёмными пластмассовыми ручками. Ёёёёё-моё!!! У дядьки был какой-то животный инстинкт на подарки. Я же сразу, не обращая внимания на сам пакет (а чего там обращать?), стала прикидывать, как использовать ручки. У мамы была торжественная клеёнка. Тоже подарок. От родственников с Урала. Завидная клеёнка. Этакий коллаж из иностранных газет. Урвать кусок этой клеёнки было не так просто, но плох тот ребёнок, который не знает хитрых, извилистых тропинок к сердцу матушки. Мы измерили полотно по столу, нашли, что можно и укоротить его с одной стороны сантиметров на тридцать. Причём по длинной стороне, а значит, захода на три мне пакетов на будущее обеспечено. Любви к рукоделию я сильно никогда не испытывала, но сшить два прямоугольника и склепать две ручки по верху – особого таланта не требуется. Сдохните, завистники! Эксклюзив!

Вот этот самый эксклюзив мы и оставили на чердаке.

И всё же оставалась надежда, что его не заметят. Мало ли? Света на чердаке нет, а с фонариком порой вдали увидишь, а что под носом не высветишь. Решили мы, когда народ уgomонится в подъезде, ещё раз слазить на чердак. Стояли в проулке с торца дома и прикидывали шансы. Из дома напротив проулка кто-то вышел, хлопнув калиткой. Этот кто-то переходил центральную улицу и, кажется, направлялся в проулок. Мы насторожились, естественно. Человек приближался, а мы вполголоса договаривались стоять спокойно и продолжать так же вполголоса разговаривать. Но, спускаясь в проулок, человек включил фонарь и направил его на нас. Мы метнулись от света, бежали какое-то время, хохоча, мол, пуганые вороны, начали было приостанавливаться, но, оглянувшись, я увидела, что мужик бежит за нами, освещая себе дорогу под ногами. И это были ноги директора школы, немного косолапые в вечно коротких штанах.

– Дирик!!! – заорала я.

Мимо пролетел Ерём по луже. Он даже нас не обрызгал. С другой стороны оторвалась Светка и исчезла впереди. Видел бы их физрук! Меня разбирал смех. На физкультуре даже Наташка со своей большой печенью бегала лучше этих тайных спринтеров. Я, конечно, могла ускориться, но оставлять Наташку... Почему-то я чувствовала от-

ветственность за неё. Девочка-Мальвина. Она вечером на улицу-то ещё ни разу без матери не выходила. Даже если дир не догонит, ей же будет страшно одной. И мы бежали рядом. Наташка задыхалась. Скорости явно не хватало. Фонарь уже был буквально за спиной. Тут она запнулась и исчезла – упала. Я собралась было остановиться, но дир пробежал мимо Наташки. Эх, ноги, мои ноги! Фонарь быстро начал отставать.

Впереди проулок упирался в следующую улицу. Куда свернули эти чудики? А если в разные стороны? А если я выведу на них? Я заметалась. Вправо? Влево? И вдруг решила повторить Наташкин финт: взяла и резко остановилась. Финт не удался. Александр Петрович тоже остановился, осветил моё лицо, спокойно сказал: «Всё понятно», развернулся и пошёл домой.

Ну ладно, сразу на разборки не повёл, и на том спасибо. А хитрый всё-таки. Это ведь он дом обошёл, хлопнул чужой калиткой, чтобы мы думали, кто-то оттуда вышел, и не заподозрили погони.

Я долго не могла никого найти. Потом догадалась выйти на центральную улицу и встать под фонарём, чтобы можно было узнать издалека.

Завтрашний день пока не пугал. Слишком много было впечатлений. Оказывается, Светка с Ерёмом сиганули в чей-то огород и боялись только одного: как бы хозяйская собака не сорвалась с цепи. Наташка и упасть-то как следует не успела, только оттолкнулась от земли руками, развернулась и побежала в обратную сторону. И дёрнуло меня остановиться...

После первого урока – политинформация. Приходит классный руководитель и контролирует наше политическое просвещение. Если никто к «политке» не готов, то учитель впесочивает политинформатору (должность такая руководящая в пионерском отряде) и сам рассказывает, что в мире за неделю случилось.

Надежда немного опоздала. Она так зашла, что все уши прижали. Вот ни дверь человек не хлопнул, ни слова не сказал ещё, не посмотрел даже ни на кого, но каждый понял: кердык – гроза!

– Коганова, политинформация готова? – спросила Надежда, поздоровавшись.

Светка встала и пробурчала:

– Нет...

– Ага. Как всегда. Зато у меня политинформация... – и ба-бац! мой пакет на стол. – Где Черноскутова?

Она блуждала глазами по классу и не находила меня. По рядам пробежало что-то похожее на длинный вздох, потому что сидела я хоть и не на своём месте, но рядом со Светкой. Я смотрела на Надежду, и что-то жуть пробирала всё больше и больше: вот сейчас вся эта ярость обрушится на меня.

– Ну да... Пакостливые, как кошки, а трусливые, как зайцы... Знает, когда не приходиться.

Обалдевшие одноклассники ёрзали, хихикали, шептались... Всех, конечно, просто распирало от любопытства, чего это Надежда не в себе и почему у неё мой пакет. Деваться мне было некуда, рано или поздно всё равно увидит, и я встала:

– Да здесь я.

Надежда опешила на мгновение:

– Выйди сюда.

Я вышла. Она вывалила из пакета на парту всё его содержимое. Развернула плакат с чёрным котом и двумя ударами магнитов пригвоздила его на доску:

– Вот наша политинформация!

Ничего не понимающий народ следил за действием.

– Учителей ножами пугать? – Она схватила мою руку и вставила в неё нож. – Бандитизм?! – И с размаху нахлобучила мне шляпу на голову.

Всё, что ещё хоть как-то держалось внутри: недоумение, удивление, любопытство – вырвалось наконец, как пробка от шампанского. Класс упал на парты! Это был не просто ржач, это были истерика и восторг. То и дело кто-нибудь пытался отдышаться, но, подняв голову и увидев меня с ржавым ножом в вытянутой руке и в старой, обвислой фетровой шляпе, снова заходился смехом и ложился на парту. Изверги! Мне-то смеяться ну никак нельзя. Я давилась, прикусывала губы, хрюкала, опустив голову и зажав шею собственным подбородком. От напряжения из глаз катились слёзы. Надежда немного успокоилась и начала искать следующую жертву:

– Гете! Ты куртку постирала?

– Какую куртку?

Сколько же зависти и восхищения было в Людкином голосе! Ох, как бы ей хотелось быть виновником торжества. Надежда поняла, что мимо.

– Филенко?

Наташка пружиной подскочила из-за парты:

– Я???

И тоже было понятно, что мимо. Надежда упёрлась взглядом в Светку и ехидно спросила:

– И тебя там не было?

– Я там была, – ответила Светка как-то спокойно и даже с вызовом.

– Понятно. Куда ж вам врозь. Кто ещё с вами был?

– Никого.

– А упал кто? У тебя куртки нет.

Светка пожала плечами:

– Никто не падал.

Прозвенел звонок. Все ждали.

– Коганова, Черноскутова – к директору!

Надежда подождала, пока мы соберём портфели, и отконвоировала на первый этаж.

Александр Петрович целый урок пытался вытянуть из нас имена соучастников. В конце концов сказал, что судьбу нашу будут решать после уроков на педсовете, и если не сознаемся, то поставят на учёт в детскую комнату милиции. Ага, нашёл дураков. Если поставят, так и четверых поставят, а тащить с собой Наташку и Ерёма нам резона не было. Это ж вопли начнутся – втянули, испортили, повлияли! Вдвоём по-любому выходило меньше мороки. Наташку вообще втягивать было нельзя, хоть она и хотела сознаться. Мы её успокоили простым доводом:

– А про мать ты подумала? Она же, получается, наше воровство покрывала. Нам-то ни фи́га не будет... Ну, комната милиции... А она-то взрослый человек...

Нет, тётю Галю впутывать было нельзя.

– А вы Шадрика заложите! – осенило Ерёма.

– А ты сходи сознайся да сам заложит, если такой умный, – недобро прищурился Петька Хатайкин.

– Нам чё, легче станет, если ещё и Шадрику достанется? – хмыкнула Светка.

– Ага, Шадрик пока молчит. Впалим – ему же придётся говорить, кого в подъезде макулатуру убирать отправлял.

– Ну ты мудрый, Ерём! Это ж весь класс заложить!

– Не, ну мы-то в это время металлолом собирали! – как-то не очень возмущённо возмутились Людка Гете, Наташка Филенко и ещё несколько человек, которым идея с совхозным током не понравилась.

– Вот вы с этой сушилкой... – как будто продолжила старый спор Филенко, – послушали бы нас – ничего бы и не было...

– Если бы да кабы...

– А мы, между прочим, уже больше, чем Казак в прошлом году, натаскали.

– Ого! Откуда?

– А там, знаешь свалку за совхозной заправкой? Там колёс – завались!

– Ага, и болванки какие-то тяжелючие...

После уроков мы сидели со Светкой на подоконнике напротив учительской. Учителя проходили мимо, и никто не делал замечания. Персоны нон грата, фиг ли. Почему-то, когда смиришься с неминуемым наказанием, оно волшебным образом тебя обходит. Мы сидели со Светкой на подоконнике уже больше часа, а нас всё не вызывали. Не было ни любопытства, чего там происходит, ни страха, что будет. Какое-то ватное равнодушие.

Сначала слышны были возбуждённые голоса, а потом всё стихло. И мы сидели. Наконец дверь учительской открылась, вышла математичка старших классов, но прошла мимо, мельком взглянув на нас. Через некоторое время она вернулась, взялась уже за ручку двери и оглянулась:

– А вы чего тут сидите?

– Нам сказали – вызовут, – удивились мы.

– Да всё про вас решили давно. Домой идите. Нас ветром сдуло. Было бы сказано.

На следующий день жизнь шла себе, как всегда, только одноклассники на переменах спрашивали, чего да как, снова и снова вспоминали фетровую шляпу с ножом и раззуживали себя до прежнего смеха. Мы попытались выяснить свою судьбину у физрука. Виталич только хохотнул и отмахнулся:

– Если поставить на учёт председателя дружины, – посмотрел на меня и засмеялся, – то дружину-то куда девать?

Но постепенно всё равно всплыло, что и как решали на педсовете. Учительские дети выведали у родителей.

Жаждающие нашей крови оказались в меньшинстве. Виталич выступил как раз с доводом, что ставить на учёт в милицию председателя – это себе же дороже. Завуч вообще мало вдавалась в подробности: «Внутри что хотите делайте, а школу позорить не дам!» Александр Петрович, хоть и директор, но её бывший ученик, да и директорствовал без году неделя, согласился сразу. Последнюю точку поставил и умиротворил всех физик. Он развернул всё так, что мы ещё чуть ли ни праведниками оказались. Главное – возвращали, а не воровали. И если уж наказывать, то за воровство, а воровал почти весь класс, так как двое такую прорву макулатуры спереть не могли физически. С этим согласилась даже Надежда. Всегда говорю: логика – страшная сила. Всю эту историю спустили на тормозах. Никто из учителей ни разу не напомнил. Что на чердаке с нами были Наташка и Ерём, Надежда Степановна узнает только после школы на вечере встречи. И сбор металлолома тоже тихо замяли. Ежу же понятно, что мы никого бы не пропустили вперёд, а награждать нас поездкой на юбилейную плавку вместо наказания за сворованную макулатуру – это уж совсем святотатство. Так я и не увидела, как выпускают из домны чугун.

Наша куча металлолома несколько лет одиноко красовалась за школой. Металлолом в последние годы пионерии уже не собирали. Потом и пионерии не стало. А сейчас и металлургического комбината в Новокузнецке нет. Раздербанили его на какие-то маленькие предприятия. Доменные печи не дымят.

Кстати, макулатура так и осталась у Качиных. Тётя Галя с Наташкой года три ещё не знали проблем с бумагой для растопки печи.

